

Ален Делон ПРОТИВ ВРЕМЕНИ

*За рубежом.
1996. — 3-9
сентября (№ 9).
С. 14-15*

«ФОКУС», МЮНХЕН.

— **М**есье Делон, на берлинском кинофестивале в этом году вы за работу в кино получили «Золотого медведя». Вы рады этой награде?

— Конечно, рад, хотя, в общем, равнодушен к премиям. Если «Медведя» понимать как награду за всю мою кинокарьеру в целом, то я согласен. Думаю, во французском кино я сыграл важную роль, как, впрочем, и в европейском, а может, даже в мировом.

— Вы знакомы с широкой палитрой фильмов от жанрового до художественного кино, воплотив самые различные образы — от киллера до Казановы.

— Казанова? Почему вы вспомнили именно его? Эта роль несколько выходит за рамки моих обычных работ. Печально видеть, что даже профессионалы частенько не замечают разницы между ролью, которую просто исполняешь, и ролью, для которой перевоплощаешься. Казанова — как раз такая роль, в том что касается грима, костюма, веса, который я себе добавил, длинных волос и глубоких морщин. О фильме «Возвращение Казановы» писали: «Делон небрит, прихрамывает и завывает». Черт, это же не я! всю жизнь я играл героев, но как только брался за роли несчастных или слабых людей, зрители меня отвергали. Такие роли, как в фильме «Спасай свою шкуру, киллер», я играл походя. Но именно в них снимался постоянно.

— Вы делали большое кино с большими режиссерами. Есть ли режиссер, которым вы восхищаетесь более, чем всеми другими?

— Нет, Лукино Висконти универсален и интеллигентен, Рене Клеман лучше всех работал с актерами, а Жан-Пьер Мельвилль был прекрасным выдумщиком. Каждый в свое время.

— К фильмам это относится?

— Если в вашей жизни было пять или шесть женщин, как ответить, какую из них вы любили больше? В 20 лет любят не так, как в 30 или 50.

— Когда вы решили стать актером? — Я совсем не хотел им быть! В мое время все молодые люди мечтали о том, чтобы их «открыли» на улице. А вот со мной именно так и случилось.

— А когда вы решились братья за сложные роли?

— Чтобы состояться, нужна пара лет. Мне повезло, я работал с величайшими деятелями кино в самых благоприятных условиях, благодаря этому я учился.

— Так вы стали и бизнесменом?

— Совсем нет!

— Зачем же основали «Адель-Фильм продюксьон»?

— Я стал продюсером для того, чтобы вести творческую работу. Актер, даже гениальный, всегда остается

интерпретатором. «Первые шпоры» я заработал на фильме «Алжирский ад». С коммерческой точки зрения это был полный провал. Моим настоящим «ребенком» стал «Борсалино». Я подыскал сюжет, нашел сценаристов, подобрал режиссера, а Вельмондо и Делон стали главными исполнителями. В силу различных обстоятельств я взялся за режиссуру. Но к первой любви всегда возвращаются — для меня это актерская игра.

— А деловая сторона?

— Не понимаю, почему вы постоянно все смешиваете.

— Но вы все-таки и деловой человек!

— Когда я делаю фильм, я занимаюсь всем, но только не бизнесом. В процессе производства фильма «Месье Кляйн» я чуть не лишился последней рубашки. После него вновь пришлось сделать коммерческий фильм. Позже я занимался и бизнесом.

— Скачками, боксом, мебелью, духами...

— Все это я мог позволить себе только благодаря актерской работе. Я покупал лошадей, картины и рисунки.

— Это было вложением денег?

— Коллекционированием занимаюсь лишь ради удовольствия. У меня были лошади. Где тут вложение денег?

— У вас целая конюшня скаковых лошадей...

— У меня была пара рысаков, и мне повезло, что один из них стал мировым чемпионом. В бокс я тоже ничего не вкладывал, а лишь организовывал матч, которым никто не хотел за-

ниматься: Жан-Клод Буатье против Карлоса Монсона, потом еще парочку. Случайно я заработал на этом немного денег.

— Со своей швейцарской фирмой вы зарабатываете не только «немного» денег.

— В один прекрасный день я стал сомневаться в своей кинокарьере, сказав себе, что когда-нибудь работа в кино закончится. Между тем у меня трое детей, и на пособие по безработице семью не прокормишь. Для детей я заложил теперь основу. Несмотря на это, позже они смогут сказать: «Мой отец — актер из «Борсалино»!»

— Под своим именем вы продаете духи и очки, а в Японии — и сигареты.

— Ах, всего и не перечислишь. Если желаете, я пришлю вам каталог.

— Сколько же денег вы делаете?

— Прежде всего у меня очень много забот, потому что это означает очень много работы.

— Ну да, работу теперь делают другие, а вы только заботитесь о престиже.

— Мое имя — это уже престижная марка. Но в каждой стране работа идет по-разному. Итальянский галстук не отвечает японским вкусам, а для латиноамериканцев он должен быть чуть более броским.

— Где лучше всего расходуется ваша продукция?

— В Гонконге, Сингапуре, на Тайване, в Таиланде и Южной Корее. Во всяком случае, сейчас я зарабатываю больше, чем в самые лучшие мои актерские времена.

— А как насчет проката вертолетов и авиакомпании?

— Ну, это было 15—20 лет назад.